

ЭРИК ЭГЕБЕРГ

Мышкин и Лебедев. О юродивых и шутах в «Идиоте»

Все романы Достоевского проблематичны, но даже среди этих замысловатых произведений «Идиот» выделяется особой сложностью: вряд ли вокруг другого романа ведутся такие горячие споры, расходятся мнения до такой степени, что одни провозглашают роман шедевром, тогда как другие его просто замалчивают, считая его постыдным провалом, недостойным гения великого писателя. Но особо резкое противоречие во мнениях относится не только к роману в целом, к его художественной структуре, но и к отдельным персонажам, в первую очередь — как можно было ожидать — к самому Идиоту — князю Мышкину. В сочинении, название которого указывает на один из его персонажей, именно это лицо — в данном случае князь Мышкин — делается главным персонажем — «героем», привлекающим к себе самое пристальное внимание читателя.

Причин такого разногласия, как мне кажется, в основном — две. Во-первых, роман «Идиот», как и другие романы Достоевского, построен по принципу мистификации: во многих ситуациях крайне трудно, даже невозможно, определить, что ложь и что правда. Но как раз в этом произведении этот принцип доведен до такой степени, какой мы в более поздних романах уже не наблюдаем, хотя и в них множество неясностей. К вопросу о том, какими средствами автор добивается желаемой мистификации, мы вернемся потом.

Второй важной причиной расхождения в воззрениях является связь князя Мышкина с такими понятиями, как «положительно прекрасный человек» и даже «Христос». Вполне понятно, что такие центральные образы нашей культуры, наделенные огромным эмоциональным и познавательным потенциалом, могут оказать мощное воздействие на восприятие произведения и его главного героя. Следует, однако, подчеркнуть, что наличие такой связи базируется прежде всего на высказываниях самого Достоевского, не помещенных в романе, но встречаемых в других его бумагах. Таким образом, тот текст, на основании которого мы обсуждаем роман «Идиот», может

включать или не включать эти суггестивные образы, и то или другое решение вопроса не может не оказать своего определенного влияния на оценку романа.

Как известно, почти все критики и исследователи, которые занимались этим романом, принимают во внимание связь между Мышкиным и Христом, так или иначе соотнося бедного князя с Сыном Божиим. На мой взгляд это не совсем справедливо в отношении князя. Как известно, в своем последнем романе Достоевский выводит самого Христа — но не как действующее лицо реалистического произведения, а как персонаж «легенды». По-моему, Достоевский еще в конце шестидесятых годов, когда писался «Идиот», понял, что изображать Христа в романе, действие которого происходит в наше время, нельзя. Христос и князь Мышкин — лица разных уровней. Этот факт на мой взгляд важнее, нежели всевозможные точки соприкосновения между ними, отмеченные разными исследователями. Но с другой стороны, отрицать любую связь Мышкина с Христом и с идеалом «положительного прекрасного человека» столь же недопустимо, поскольку и в тексте самого романа имеются намеки на нее.

Нрав и характер князя Мышкина нельзя изучать изолированно; они выявляются только в общении с другими лицами. На первом плане действия романа оказываются две женщины, с которыми он связан любовными отношениями — Настасья Филипповна и Аглая Ивановна, а также Парфен Рогожин, чье сильно эмоциональное отношение к князю Мышкину более темно. В разборах романа «Идиот» отношению главного героя как раз к этим персонажам обычно выделяется наибольшее внимание, что вполне понятно, поскольку они социально оказываются приблизительно на том же уровне, что и сам князь. Более пристальное изучение и «побочных» персонажей романа, однако, может восполнить ту картину, которую нам предоставляют эти главные персонажи, и среди этих на первый взгляд второстепенных лиц мне хочется назвать Лукьяна Тимофеевича Лебедева. Дело в том, что в романе никто другой так постоянно не общается с князем Мышкиным.

Когда мы встречаем его впервые, на первых страницах романа, он едет в Петербург в одном купе с Мышкиным и Рогожиным. Второ-

степенность его роли подчеркивается тем, что он устаивается вниманием автора только после того, как представлены оба других, и во всей первой части романа он ведет себя, как некий комический придаток к суровому Рогожину, то и дело унижая себя в надежде получить какую-нибудь выгоду у богача. Примечательно, что, узнав, что имеет дело с князем и миллионером, он мгновенно начинает украшать свою речь обилием «-с», а князя он величает «светлостью», хотя никаких намеков нет на то, чтоб князя Мышкины были «светлейшими».

Между первой и второй частями романа лежит промежуток в полгода, о котором мы узнаем только отрывочные данные. Этот своеобразный прием можно считать и слабой, и сильной стороной произведения. С одной стороны, такое «белое (или почти белое) пятно» в развитии действия воспринимается, как недостаток, как свидетельство неумения автора строить связное повествование. Но с другой стороны автор может превратить такой возможный недостаток в преимущество своего произведения, придав «белому пятну» особую функцию. Так-то и поступил Достоевский, когда писал «Идиота»: усиливая элемент мистификации в романе, он тем самым обуславливает и полугодовой промежуток, который уже оказывается не белым, а темным, таинственным пятном. В связи с этим эти же полгода служат и своего рода «кладовой», из которой автор по мере надобности может доставать нужные ему в тот или другой момент повествования данные — нередко в виде намеков. Промежуток во времени тоже может служить оправданием тех изменений в характере персонажей, которые без труда наблюдаются после первой части романа, хотя далеко не все критики находят такое объяснение удовлетворительным, считая, как уже отмечено, композицию несовершенной. Однако, можно предположить, что цель Достоевского не в изображении равномерного, последовательного развития поведения человека, а в показе его сути в кризисных положениях.

Больше всех, пожалуй, изменяется после первой части и последующего временного промежутка как раз Лебедев. Правда, он продолжает вести себя как настоящий шут, кривляясь и привирая, но кроме того у него появляются новые, довольно неожиданные качества. Неожиданной является и та роль, которую ему придает автор

во второй части романа: Лебедев делается домовладельцем князя Мышкина, вследствие чего он становится и его почти постоянным спутником. Но близким Мышкину человеком его все-таки нельзя назвать, так как князь к нему относится несерьезно: чувствуется, что и в своей новой роли домовладельца мелкий чиновник Лебедев находится на другом социальном — а также сюжетном — уровне, нежели князь Мышкин, который к тому же после их первой встречи в поезде стал владельцем немалого состояния. Но тем не менее вместе с привычным подбострашием у него время от времени проскальзывает сознание той власти, которую дает ему положение домовладельца.

Как известно, романы «Село Степанчиково» и «Идиот» объединяет стремление автора дать правдоподобное изображение «положительно прекрасного человека», хотя задача эта решена в них по-разному. Именно в «Селе Степанчиково» следует, как мне кажется, искать и более ранний вариант того типа, который представляет Лебедев.

Пятая глава «Села Степанчикова» называется «Ежевикин», и носитель этой фамилии появляется в самом ее начале: «В комнату вошла, или, лучше сказать, как-то протеснилась (хотя двери были очень широкие), фигурка, которая еще в дверях сгибалась, кланялась и скалила зубы, с чрезвычайным любопытством оглядывая всех присутствовавших. Это был маленький старичок, рябой, с быстрыми и вороватыми глазками, с плешью и с лысиной и с какой-то неопределенной, тонкой усмешкой на довольно толстых губах. Он был во фраке, очень изношенном и, кажется, с чужого плеча. (...) Раздался смех. Понятно было, что старик играл роль какого-то добровольного шута. Приход его развеселил общество. Многие и не поняли его сарказмов, а он почти всех обошел.» (ПСС 3:51.52) О нем полковник Ростанев отзывается следующим образом: «И знаешь, пречестнейший, преблагороднейший человек, и даже не пьет, а только так из себя шута строит. Бедность, брат, страшная, восемь человек детей! Настенькиным жалованьем и живут. Из службы за язычок исключили. Каждую неделю сюда ездит. Гордый какой — ни за что не возьмет. Давал, много раз давал, — не берет! Озлобленный человек!» (ПСС 3:52)¹

¹ Ссылки на Полное собрание сочинений в 30 т., Москва 1972-1990 (= ПСС) даются в тексте с указанием тома и страницы.

Разумеется, Лебедев является не простым повторением Ежевикина, персонажа из романа, написанного за десять лет до появления «Идиота», т. е. в совсем другой период жизни писателя. С образом Ежевикина произошло примерно то же самое, что и с полковником: несмотря на весьма значительные изменения во внешнем и внутреннем облике героя, сохраняется не только некая более общая структура, но и несколько более мелких подробностей. Что касается Ежевикина и Лебедева, то они оба оказываются на более низком социальном уровне, чем та среда, в которой они постоянно вращаются, и чтобы подчеркнуть эту разницу в общественном положении автор наделил их типично «несветскими» именем и отчеством: Евграф Ларионыч и Лукьян Тимофеевич.

Разница состоит прежде всего в том, что Ежевикин является человеком гораздо более «прозрачным», чем Лебедев. Ведь почти сразу же после его появления на сцену, мы узнаем от повествователя, что он играет «роль какого-то добровольного шута», и это даже повторяется немножко позже Ростаневым. Да, мало того, господин Ежевикин сам сознается в своем шутовстве: «Фортуна заела, благодетель, оттого я и шут.» (ПСС 3:51) Важно также, что в романе нет ничего, что могло бы поставить эти суждения под сомнение. В «Идиоте» же дела обстоят сложнее: ни князя Мышкина, ни чиновника Лебедева не легко разглядеть, оба персонажа здесь наделены функциями, которых у их соответствий в более раннем романе нет. Помимо такого общего усложнения, отличающего зрелого Достоевского от молодого, в «Идиоте» усилен и идеологический элемент, а носителями идей в романе, его «главными проповедниками», являются как раз Мышкин и Лебедев. Далее, и тот, и другой проповедуют религиозные идеи, связывая библейские темы с современной им действительностью.

Но это отнюдь не значит, что они особенно похожи друг на друга; наоборот, общий фон только более отчетливо показывает их различие. Если князь Мышкин и ведет себя просто, искренно и рассказывает простые истории про свое пребывание в Швейцарии, то Лебедев и поступает и говорит неискренно, скрытно. А что касается их проповедничества, то оно у Мышкина принимает весьма светлую, даже идиллическую окраску, что особенно четко сказывается в тро-

гательном рассказе о бедной Марии, которую он нравственно воскрешает вместе со всей ее средой. Проповедничество в отношении Мышкина, впрочем, на этом этапе действия романа не совсем подходящее слово, ибо князь не проповедует, не старается кого-нибудь убедить, а просто так — от сердца рассказывает о том, что с ним было.

С Лебедевым совсем иначе. О своих религиозных взглядах он не говорит по собственной инициативе; только когда его провоцируют, он объясняет, отчего он молится за графиню Дюбарри, или что значит «звезда Польша», но зато в таких случаях его объяснения превращаются в настоящую воинствующую проповедь. По названным темам сразу видно, что Лебедева занимает не светлая, жизне-радостная сторона религии, а ее темная, грозная изнанка, где дело идет о бедах и смерти.

Мы уже упоминали о том, что фигура Лебедева «непрозрачна». В связи с этим удивляет то обстоятельство, что психологию именно этой фигуры объясняет сам автор: «...расчеты этого человека всегда зарождались как бы по вдохновению и от излишнего жару усложнялись, разветвлялись и удалялись от первоначального пункта во все стороны; вот почему ему мало что и удалось в его жизни.» (ПСС 8:487) Такие прямые отрицательные характеристики, однако, нельзя принимать за чистую монету, так как мы в этом романе имеем дело не со всезнающим автором (а мог бы такой автор вообще быть мистификатором?) — а с повествователем, в других местах заявляющим о своем незнании того или другого обстоятельства. Читатель подозревает, что и повествователь не совсем разглядел чудака Лукьяна Тимофеевича.

Разглядем ли мы его и его жильца, князя Мышкина? Ответ очевиден: нет — в обратном случае уже закончились бы споры об их характере и судьбе. Но мы здесь не ставим себе такой обширной задачи, а довольствуемся разбором более ограниченного вопроса: шуты ли, юродивые ли они? О князе Мышкине можно утверждать, что он ни шут, ни юродивым (в религиозном значении слова) не является. Правда, еще в начале романа Рогожин называет его как раз юродивым, но тут слово это относится не к чему-то добровольно принятому, а к известному психическому или физическому изъяну — его прирожденной болезни, из-за которой он совсем не знает женщин. А

именно его знакомство с женщинами ведет к гибели обеих сторон, факт, которому обычно придается исключительное значение в разборах характера князя Мышкина. Для нас же важен тот факт, что Мышкин не притворяется, хотя его поведение претерпевает известное изменение по мере того, как разворачивается действие романа. Во второй части он уже не высказывает своих суждений совсем без оглядки на собеседника, а в общении с генералом Иволгиным он ведет себя не абсолютно искренно, — правда, с похвальной целью: не огорчить обидчивого старика; но тем не менее эта перемена показывает, как князь Мышкин кое-как приспособливается к «реальной земной жизни». Подобное изменение наблюдается и в его «проповедях»; перед последним припадком падучей он уже не преподносит трогательных назидательных рассказов общехристианского содержания, а горячо выступает в защиту русского православия, то есть уже оказывается в омуте современных политически-религиозных споров. Но несмотря на такое развитие его поведения, Мышкин в основном остается тем же стихийно добрым, откровенным человеком.

С Лебедевым тоже происходят изменения. Если он в первой части романа просто шут, то в последующих частях в нем появляются и другие качества, отнюдь не шутовские: он проявляет энергию, даже властность, бережет свой дом, оказывается образованным человеком — у него полное собрание сочинений Пушкина в хорошем издании. И главное: он изучает Библию. Это последнее обстоятельство придает его шутовству новую окраску и заставляет задуматься: нет ли в Лебедеве чего-то более серьезного, чем простое шутовство? Правда, когда он строит из себя шута, он этим старается косвенно компенсировать свое невысокое общественное положение. Но может быть в его вызывающем поведении есть и доля юродства, стремление беречь веру в среде более или менее равнодушной к религии.

Соотношение князя Мышкина и Лебедева отдаленно напоминает отношение Иешуи Га-Ноцри и Воланда в «Мастере и Маргарите». Иешуа Булгакова такой же наивный, как Мышкин первой части «Идиота», и точно как он, Иешуа тоже обладает способностью угадать недосказанное. Оба они представляют милостивую, светлую сторону религии, тогда как Воланд применяет весьма крутые меры в

своей борьбе с людскими пороками — ведь и он, хотя дьявол, для Булгакова на службе у Господа Бога, только «в другом ведомстве», как он аттестует себя. Лебедев тоже пользуется решительными мерами, ставшими, кажется, главной причиной смерти генерала Иволгина. Но когда Лебедев врет — а врет он без меры, — он врет, чтобы прекратил свою ложь генерал Иволгин.

Как уже сказано, Лебедева нельзя до конца разглядеть; сам автор — несмотря на уверения повествователя — не дал нам ключа к его душе. Но нам кажется, что более пристальное внимание к этой двусмысленной фигуре все-таки может привести к более глубокому пониманию «Идиота» в целом.

Summary: Myškin and Lebedev. On “Good’s Fools” and Buffoons in “The Idiot”

In this paper the hero of Dostoevskij's novel “The Idiot”, Prince Myškin, is compared to a more humble character of that book, Luk'jan Lebedev, with special regard to their religious teaching and the Russian notions of “jurodivyj” (“God’s fool”) and “šut” (“buffoon”). The paper concludes with the assertion that the Prince concentrates on the bright aspects of religion, while Mr. Lebedev, when provoked, emphasizes its more sinister side.

E-mail: erik.egeberg@hum.uit.no